

Н. П. Кондаков

**ПАМЯТНИКИ
ХРИСТИАНСКОГО
ИСКУССТВА
НА АФОНЕ**

RUGRAM

Москва
2026

УДК 7.0
ББК 85.12
К64

Кондаков Н. П.

К64 Памятники христианского искусства на Афоне/ Н.П. Кондаков. — М. : RUGRAM, 2026 — 276 с. — (Библиотечка по искусству).

ISBN 978-5-517-13699-2

Книга представляет собой фундаментальное исследование памятников христианского искусства на Афоне, основанное на материалах археологической экспедиции 1898 года. В работе детально изучены 18 монастырей и один скит Святой Горы, особое внимание уделено их ризницам, иконам и церковной утвари.

Книга охватывает широкий спектр вопросов византийской археологии: от анализа архитектурных памятников и фресковой живописи до исследования церковной утвари и рукописных миниатюр. Автор рассматривает историю изучения афонских древностей, начиная с паломничества Василия Барского и работ архимандрита Порфирия, заканчивая экспедицией П.И. Севастьянова.

В исследовании подробно анализируются проблемы научного изучения византийского наследия, включая сложности доступа к памятникам и особенности их сохранения. Особое внимание уделяется вопросам систематизации памятников, их датировки и исторической ценности.

Работа имеет важное значение для понимания развития византийского искусства и сохранения культурного наследия Афона. Она будет полезна специалистам в области археологии, истории искусства, а также всем интересующимся византийским наследием и христианским искусством.

Книга содержит обширный иллюстративный материал и представляет собой значительный вклад в изучение восточнохристианского искусства.

УДК 7.0
ББК 85.12
BIC FC
BISAC FIC000000

© RUGRAM, оформление, 2026
© Т8 Издательские технологии,
оформление, 2026

ISBN 978-5-517-13699-2

I. ЗНАЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ХРИСТИАНСКОГО ИСКУССТВА НА АФОНЕ В ОБЩЕЙ ВИЗАНТИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ. ОБЩИЙ ОТЧЕТ ПО АФОНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1898 ГОДА

Представляемое ныне вниманию специалистов и любителей издание памятников христианской древности и искусства на Афоне составляет результат кратковременного осмотра восемнадцати его монастырей и одного скита, главным образом, со

стороны их ризниц, икон и вообще церковной утвари. Научная важность этой археологической задачи может быть объяснена самым положением византийских древностей и их отношением к древностям многих стран Европы, воспринявших культуру и искусство Византии. Византийская археология является доселе областью научных начинаний, в которой еще устанавливается хронология, периоды, подбираются самые памятники, но где прочное и ясное, связанное целое принадлежит пока почти исключительно памятникам монументального искусства. Как общая наука истории искусства, так и археология многих стран давно заинтересованы в разработке истории византийской архитектуры, мозаической и фресковой живописи византийских храмов, подобно тому, как в самой бытовой древности стран и народностей Европы некогда живым вопросом было построение своей Св. Софии или вызов живописных артелей из Византии для росписи этих храмов. Но и в истории византийской архитектуры анализ памятника доселе еще ограничивается планом, формою сводов и куполов, и едва начаты стилистические разборы капителей, орнаментации и деталей. Так и в описании храмовых росписей историк еще борется с утомительным однообразием их тем, только путем сравнения памятников открывая постепенный ход развития общих задач храмовой росписи и отдельных сюжетов. Иконография — эта азбука церковного искусства — настолько занимает специалистов, что одна из наименее видных отраслей промышленного искусства — миниатюры лицевых рукописей — продолжает сосредоточивать на себе основные методологические

работы. Между тем, даже в пределах собственно церковного искусства мы доселе не имеем монографий по истории икон в Византии, скульптуры и резьбы, по важнейшим предметам церковной утвари, например амвонам, иконостасам, престолом, наложкам. Напрасно будем мы жаловаться на пристрастие западных ученых к материалам римским и романским вообще: столь отрывочны и неточны сведения о памятниках Византии. За неимением древних потиров, их форму толкуют по рисункам ваз на древнеиудейских монетах. Но нам совершенно неизвестны в древних памятниках диски, звезды и прочие предметы литургического обихода. Уже из позднейшей эпохи знаем моще- и древохранильницы, еще позднее все сохранившиеся дарохранильницы, рипиды, кадила, кацеи. До недавнего времени о византийских крестах: напестольных, выносных или запестольных — судили по рисункам в рукописях. Наконец, лучше вовсе не останавливаться на византийских священных облачениях, которых перечень был бы совершенно излишним сравнительно с двумя-тремя сохранившимися памятниками: довольно указать на те крайние трудности, с которыми сопряжены все исследования по облачениям средневековым, как западным, так и восточнохристианским вообще и в частности русским. Гораздо более посчастливилось византийским тканям, но не потому, что они представляли собою драгоценные изделия Востока, но потому, главным образом, что составили и для средневекового Запада желанную редкость и сохранились в виде покровов на мощах святых и на останках императоров. Но мы по-прежнему не имеем никаких разысканий по истории пошива,

стекла, коврового дела, бронзы, черни, резьбы по дереву, слоновой кости и пр. Мы только теоретически знаем или угадываем, что византийское искусство было высоким и оригинальным декоративным искусством, но были бы — должно признаться — совершенно бессильны воссоздать даже в пределах театральной бутафории древневизантийскую роскошную обстановку. Все попытки в этой области являются жалкими повторениями банальных шаблонов, изобретенных в двадцатые годы. Нечего говорить, наконец, о том, что понимание текста знаменитого трактата о церемониях византийского двора не пошло пока далее остроумных догадок Рейске и сведений, заключающихся в словаре Дюканжа.

Первая и основная причина такого положения обшей науки византийской археологии (не истории византийского искусства, пользующейся уже ныне правами признанного предмета) заключается в современном материале науки. Недалеко то время, когда считали византийские памятники по пальцам, главную массу произведений бесследно погибшими, и даже все уцелевшее в Египте, Греции, Малой Азии, Сирии не имеющими будущего, за отсутствием научного к нему интереса. С другой стороны, при таком положении науки, естественно было считать материалом ее всю массу предметов древности и старины всех стран христианских на всем пространстве Переднего Востока, до России включительно, и в подобной бесконечной перспективе не различать исторических памятников, следовательно, отрешаться от основной задачи истории искусства. В настоящее время мы не можем и предвидеть, какое положение будет, напротив того, в ближайшем будущем завоевано

наукою средневекового искусства и быта, и какое направление она получит: распадется ли она на ряд местных и национальных изысканий, или удержится современное построение по историческим периодам и выработается новое их подразделение. Но и теперь можно предсказать, что научный перевес и авторитет останутся за тем отделом, который будет построен на исследованиях формы и сравнительном изучении ее исторического движения. Всякое археологическое исследование, чуждое этого основного и единственного в нашем предмете метода, явится работою бесплодною и для будущих деятелей бесполезною. Если же при начале подобные работы и появляются (иногда даже в изобилии, смотря по степени общего интереса к предмету), то их значение и ограничивается этим временем. Но рано или поздно подобные иконографические обозрения обширных отделов древности становятся достоянием любителей, отягощают без нужды литературу предмета и мало-помалу входят в разряд промышленных предприятий, переставая вредить науке, как не вредят ей разные виды технических промышленности. Средневековая археология вообще и византийская в частности насчитывают теперь почти столетие за своими плечами, и если развитию последней до последнего времени мешало тенденциозное пренебрежение к самой эпохе, к восточному христианству, то наше время уже не знает подобных преград для своей научной любознательности. Вот почему в наших глазах насущный интерес современного положения византийской археологии заключается в строго точных исследованиях отдельных ее статей или пунктов

по историческому методу, а не в общих обозрениях, которые стали невозможны в строго научном смысле при подобных требованиях.

С указанной точки зрения, археологический материал, представляемый древностями афонских ризниц, и по своей цельности и однородности должен являться областью, наиболее отвечающей потребностям предмета, и как своего рода музей древностей, естественно образовавшийся, должен был бы, по духу времени, вызвать появление его научных каталогов. Однако судьба этого драгоценного материала сложилась для него превратно, и причина того коренится в самом состоянии науки за истекшее двадцатипятилетие.

С легкой руки незабвенного паломника Василия Барского, книга которого оказывается наиболее точным описанием внешности афонских обитателей, древности Афона привлекли к себе наших знаменитых представителей истории церкви: архимандрита Порфирия и архимандрита Антонина, знатоков Востока.

Главная научная заслуга принадлежит из них первому. Архимандрит, впоследствии епископ, Порфирий Успенский в течение своих двух путешествий на Афоне и в свое долгое там пребывание успел сделать так много, как вряд ли бы сделала целая экспедиция. Живая любознательность, необычайное трудолюбие и истинная любовь к своему делу руководили этим феноменальным ученым, полным живых мыслей, широких и светлых взглядов, но, к сожалению, Порфирий принужден был постоянно спешить в своих работах и никогда не был уверен в своем деле, в судьбе собственной и своих ученых занятий, к тому же лишен временами

даже необходимых материальных средств и постоянно лишен всякого сочувствия к ученым трудам, доставшимся ему особенно тяжело по отсутствию школы, по причине небрежной исторической подготовки и убогого семинарского обучения наукам. Порфирий принимался за многое самоучкою, полагал на дело гораздо более труда и достигал гораздо меньших результатов, чем бы следовало, при высоких талантах исследователя, живости его ума и находчивости даже среди непривычной среды. Так было, в особенности, в археологии, которая, при его схоластическом воспитании, была ему сначала совершенно чужда и такую осталась бы навсегда, не будь это человек, одаренный природной пытливостью, которой не может убить даже схоластическая доктрина. Но она была причиною того, что Порфирий не заявил себя на Востоке присяжным археологом и что, сосредоточивая свои главные интересы на рукописях, надписях, обрядах, церковных творениях, грамотах, он прошел мимо множества памятников, которые с той поры бесследно исчезли под напором нового времени. И те страницы, которые Порфирий в своих путешествиях отводит для обзора виденных им в той или иной обители памятников древности и искусства, зачастую помещаются им ради полноты или даже в роли его столь обычных лирических отступлений, не как главный результат его занятий и исследований. И, однако, если принять во внимание все то, что написано по археологии преосвященным Порфирием, как по древностям Афонских монастырей вообще, так и по вопросу о «Подлиннике афонском», который он перевел, и по вопросу о времени Панселина,

и сравнить с тем количеством материала и уровнем научной критики, которую представляли современные ему западные ученые-археологи, занявшиеся древностями Афона, то оказывается, русский ученый в своих трудах превзошел их в критическом отношении к предмету и пережил их в своем значении у последующих поколений. Ряд работ Порфирия по древностям Афона останется всегда настольною книгою по предмету.

Напротив того, шумная слава, заслуженная знаменитым Дидроном в его экскурсиях по христианскому Востоку, не сопровождалась строго научными работами по древностям Афона, которые наиболее его заняли: разн. заметки и статьи по отдельным памятникам и вещам, живые, но слишком субъективно построенные на эстетической почве описания Афона и его обитателей, несколько рисунков с вещей и подкрашенных и прикрашенных снимков живописи Панселина – вот и все, что было сделано для самой археологии Афона. Весь этот материал долго не являлся в западной науке с характером самостоятельных исследований и ради самого себя, но лишь с характером служебным и вспомогательным, дополняющим представления о средневековом Западе и его искусстве. Единственным исключением явилось и сыграло большую роль в деле пробуждения на Западе интересов к археологии христианского Востока издание Дидроном «Подлинника Дионисия Фурноаграфиота» с обширным историческим, но не критическим комментарием. Но, должно сказать тут же, это издание, посвященное предполагаемому окончательному канону византийской иконографии и столь популярное доселе, было результатом предвзятого взгляда на канониче-